

Сергей Прокопьев

ВОРОШИЛОВСКИЙ МЕТКАЧ

Сергей Николаевич Прокопьев

Ворошиловский меткач

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48615149

SelfPub; 2019

Аннотация

Герой повести прожил долгую, насыщенную событиями жизнь. Доподлинно не знает, какое имя дали ему родители, фамилию. Как звали отца и мать. Дошкольником в 1941 году попал в гетто в Бродах, потерял мать, брата, сестрёнку. Скитался по немецким тылам. Затем его подбирают наши разведчики, становится сыном полка. Ходил с разведчиками за линию фронта на операции. В победном мае сорок пятого летал на У-2 над разрушенным до основания американскими и британскими бомбардировщиками Дрезденом и заболел авиацией. После детдома связал свою жизнь с авиастроением. Жизнь долгая, насыщенная и настоящая.

Содержание

ВОРОШИЛОВСКИЙ МЕТКАЧ	5
Полёт над разрушенным Дрезденом	5
Гетто. Немецкие тылы	8
Сын полка	15
Эвакопункт. Германия	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей
ПРОКОПЬЕВ

ВОРОШИЛОВСКИЙ МЕТКАЧ

Повесть

Полёт над разрушенным Дрезденом

Климент Ефремович Ворошилов был председателем Президиума Верховного Совета. Номинально – глава государства. На самом деле руководили Советским Союзом коммунисты во главе с первым секретарём ЦК КПСС Никитой Сергеевичем Хрущёвым. По факту он первое лицо государства, по Конституции – Верховный Совет принимал судьбоносные государственные решения.

Как бы там в Кремле ни было, однажды мне пришлось отправлять Ворошилова в Индию с официальным визитом. И я сыграл не последнюю роль в подготовке подарков индусским трудящимся, которые вручал лично Климент Ворошилов. А ведь чуть было тогда не произошёл прокол международного масштаба. Не без моего участия удалось защитить честь страны и отстоять престиж нашей антоновской авиафирмы.

Стоит рассказать, как ваш покорный слуга в авиастроение попал. Целая историйка с боевой географией. Я в войну где только ни был: в оккупации, в гетто и сыном полка. В мае сорок пятого наш пехотный полк бросили в Прагу добивать

последних фрицев, да обошлись без нас, с полдороги полк вернули в Германию и направили в Дрезден. Живого места от города не осталось. Ни одного целого дома. В 2009 году побывал в Дрездене, красавец город, а тогда америкосы в лоскуты разбомбили. Я – живой свидетель. Облазил город, объездил и с высоты птичьего полёта руинную панораму лицезрел. Как сын полка в форме ходил (сапоги, гимнастёрка, пилотка – всё чин по чину, всё форсисто полковым портным подогнано), да мальчишка, он и на войне мальчишка – везде совал нос. Как-то на аэродром зарулил на велосипеде. Лётчики увидели бравого солдата:

– О, пехота! Ты хоть раз на самолёте летал?

Где я в пехоте мог летать? Как сейчас помню, лётчик – Слава из Красноярска. Русоволосый крепыш.

– Хочешь посмотреть на землю сверху? – спрашивает.

Я бы и сейчас не отказался, а тогда! Слава повёл к У-2.

– Биплан Поликарпова, – доложил. И, хитро улыбаясь, добавил: – Машина, конечно, не истребительная, но знаешь, что главное в авиации?

– Что?

– Штаны не намочить!

Пристегнул ремнями. Полетели. Он впереди, я за ним сижу. Картина под нами – сплошь руины.

Слава кричит:

– Держись, пехота!

И ну выделывать фигуры высшего пилотажа. Представи-

теля окопных войск по полной начал знакомить с возможностями воздушной техники. И «бочку» делает, и «горку»...
Время от времени поворачивается ко мне:

– Ну, как, пехота, штаны сухие?

А что им мокреть? Мне страшно понравилось!

– Сухие! – кричу. – Ещё давай!

Сибиряк только что петлю Нестерова не закрутил. Приземлились.

– Ну, пехота, быть тебе лётчиком! – пожал мне руку Слава.

Лётчиком не сподобился, а в авиаконструкторы судьба удосужилась вывести.

Гетто. Немецкие тылы

Извините, уважаемый читатель, я не представился... Хотя если до конца быть честным: не знаю ни имени своего, что мама с папой дали при рождении, ни отчества, ни фамилии, ни года рождения. Как и маму с папой практически не знаю. По паспорту Владимир Александрович Рахлин. Как на самом деле – никто не скажет. Дата рождения с потолка взята, возраст врач на глаз определил. Когда семь классов в детдоме окончил, надо получать паспорт, в техникум поступать, а метрик нет. И таких не один десяток детдомовских набралось. Повели нас на экспертизу. Какие там пробы на ДНК?

– Труссы снять! – потребовала доктор.

Будь мужчина пред тобой, ещё ладно, долго ли, а тут женщина средних лет. Неудобно, стесняемся... Трусишки стянули, прикрываемся. Она причинное место в горсть берёт и прикидывает на вес, сколько там граммов мужскихросло. Взвесит таким образом и говорит медсестре, данные взвешивания в журнал заносящей

– Шестнадцать.

Или:

– Пятнадцать.

Почти всем шестнадцать лет навзвешивала.

Мне даже два метрических свидетельства выписали. В первом дата рождения – 1 мая. От фонаря поставили. Потом,

когда паспорт понадобилось получать, куда-то метрики мои детдомовская канцелярия задевала, вторые выписали. Говорят: 1 мая и так праздник, зачем всё в кучу сваливать, пусть лучше будет 23 августа – день освобождения Харькова. Так что могу два раза день рождения праздновать.

При приёме в детдом меня записали под именем Бенедикт. Звали когда Веней, когда Беней. При выписке метрик решили, что имя несерьёзное.

– Давай-ка, – предложили мне, – будешь Владимиром.

Я согласился. Отчество все брали по имени воспитателя Александра Васильевича. Исключительный был человек. Я тоже стал Александровичем.

Мать меня звала Веней. Когда началась война, мне где-то седьмой год шёл. Отец был электриком. Почему так считаю, он приходил домой с кошками – по столбам лазить – на плече. Кошки запомнились. Пытался их надевать. Эта была Львовская область или Ровенская. Небольшой городок. Возможно, мы приехали в Западную Украину, когда она вошла в Советский Союз. Война началась для меня боем на окраине города. Запомнились сгоревшие советские танки, мы, пацанва, в них лазили. Первое впечатление от прихода немцев – дальнобойные пушки, поразившие размерами, они казались гигантскими...

Мы, мальчишки, сновали среди немцев. Те относились к нам доброжелательно. Курили сигары, а пустые деревянные коробки из-под них выбрасывали. Для пацанвы непомерное

богатство. Фронтные части быстро прошли дальше, к делу приступила оккупационная власть. В семье детей было трое: я – старший, братишке – года четыре, сестрёнке и того меньше. Нас с мамой отправили в гетто. Городок Броды Львовской области. Западного образца селеньице, дома в два-три этажа. Кусок города выгорожен колючей проволокой под гетто. Зима настала, холодно, голодно. Несколько деревянных домов, оббитых дранкой, стояли полупустыми, жителей, наверное, выселили. Мы, мальчишки, дранку отрывали и тащили к своим печкам. С едой было туго. Вместе с товарищами лазил под проволоку за территорию гетто, искали, что бы поесть.

Мы с мамой поселились в большом доме. Закрытый двор, лестница. Что интересно, парадная дверь выходила в свободную часть города и стояла заколоченной. Квартира, в которой жили, располагалась на верхнем этаже, большая, просторная. Дверь в одну из комнат была замурована. Эта комната нас несколько раз спасала. Немцы периодически устраивали какие-то облавы. Кого-то забирали. Наверное, отправляли в лагеря. Видимо, мать заблаговременно кто-то предупредила. Сгрёбёт нас в охапку, и лезем на чердак, там имелся люк, ведущий в потайную комнату, загромождённую мебелью, ящиками. В тёмном помещении воздух застоялый, пахло пылью. Мама то и дело шёпотом просила:

– Тихо-тихо...

Весной прошли слухи: гетто будут ликвидировать, уво-

зить всех в лагеря. Мама сказала:

– Надо пробираться домой.

Родственников не было, она хотела укрыться у знакомых. Отца в первый день войны забрали в армию. Перед самым приходом немцев узнали о его смерти, мама плакала, соседки утешали. Я ничего не понял тогда...

Мама открыла (помогал ей какой-то мужчина, он с нами не пошёл) парадные двери, ведущие из гетто... У неё были кой-какие ценности. Видел, как зашивала в одежду. Два кольца, цепочка. Наверное, золотые вещи. Тот день врезался в память. Сухой. Весна в разгаре. Мама предупредила и наказала: она с сестрёнкой пойдёт впереди, я с братиком на приличном расстоянии держусь за ней, если её вдруг остановят, мы ни за что не должны приближаться и звать её «мама». Будут допытываться, расспрашивать, мы должны говорить: не знаем, это чужая тётя. В любой тревожной ситуации идти не к ней, наоборот – поскорее уходить.

Миновали городок, и уже на самой окраине, у последних домов, маму остановили. Наверное, полицаи. Начали что-то расспрашивать. Страшно хотелось подойти, братик потащил за руку. Метров пятьдесят было. Я его дёрнул: стой! Мама пошла с полицаями. Запомнилось – не обернулась. Если бы посмотрела на нас, наверное, бросился бы следом, не выдержал.

Остались с братишкой. Я ведь толком не помню, как его звали. Кажется, Моне́й. Ни матери, ни сестрёнки больше не

видел никогда. Мы побрели куда глаза глядят. Где дадут кусок хлеба, где картошку, где-то покормят. Ночевали в заброшенных сараях, в поле, на огородах. Как-то начал вспоминать, а как мы первую ночь без мамы провели? Нет, стёрлось из памяти. Беспризорниками шли весну, лето. Направление держали на восток. Я понимал, там наши – советские, красные.

Однажды напоролись в лесу на людей. Свернули с дороги, углубились по тропинке в чащу. Вдруг – люди. Партизанским отрядом не назовёшь. Хотя были с оружием многие, скорее – просто скрывались от немцев. Кто-то из плена бежал, у кого-то часть разбили... Были женщины и дети. Не организованный отряд, а группа людей объединилась и скрывалась в лесу. Никаких боевых действий, операций возмездия не вели. Скрывались и жили. Немцы были не везде, не во всех населённых пунктах стояли. Может, местные и знали про людей в лесу, но не выдавали до поры до времени. Жили в землянках, шалашах. Днём не разрешалось курить, огонь разводить. Ночью делали костры и следили, чтобы дым не шёл вверх – стелился. Приспособления делали, всякие навесики. Леса в тех местах смешанные.

Мы с братишкой продолжительное время жили с ними. Понимали, надо кормиться, искать еду. Ходили в ближайшие деревни с котомками, просили милостыню, что-то добывали, в отряд приносили. Из леса выходишь, он на возвышенности, а дальше чистый склон, внизу речка и хутор.

Чуть дальше ещё один стоял. До опушки с братом двигались вместе, а дальше или он шёл на хутор, я ждал в лесу, или наоборот. По двое почему-то не ходили. Однажды он не вернулся. Ждал его до темноты... Потом слышал в отряде: деревенские мальчишки кого-то затюкали. Не знаю, он ли это был или нет. Может, испугали, он убежал и заблудился.

В отряде я пробыл до зимы. В один день вдвоём с девочкой примерно моего возраста отправились добывать еду. Зимой с пропитанием совсем туго стало. Вышли из леса на склон. Внизу замёрзшая речушка, санная дорога вдоль неё бежит. Вдруг на неё выехали четверо саней с вооруженными людьми. В добротных полушубках, шапках. День ясный, снег блестит. А мы на голом склоне, как на ладони. Может, с полкилометра до нас. Это были каратели-полицаи. Отряд наш кто-то выдал, они ехали на расправу. Заметили нас, начали стрелять, мы бегом вверх по склону к лесу. На девочке был чёрный платочек, какая-то одежонка. Пуля отстрелила ей палец. Она кричит, рукой на бегу машет, кровь из пальца хлещет и чертит зигзаги на снегу. Белый-белый снег и алая кровь... Девочка побежала в сторону, а у меня в голове: надо в лагерь, там люди, там защита. Выскочил на дорогу, что шла краем леса. Выстрелов сзади больше не раздавалось, зато слышались сбоку. Я запыхался, устал, но бегу, и вдруг вижу: на дороге мужчина... Из нашего лагеря. Мне он несколько раз давал сухари. Увидит, подзовёт, сунет один-два. Он лежал на боку, череп раздроблен...

Я понял: в лагерь дороги больше нет...

Километров триста прошёл в общей сложности по оккупированной территории. Это я уже через много лет пытался свой примерный маршрут определить. Шёл, так сказать, на соединение с Красной Армией. Это случилось в конце ноября сорок третьего. Промозглый осенний день. Пустая дорога. И нет мочи идти. Голодный, промёрзший до основания, голова тяжёлая – заболеть начал. Сел на обочине, а уже темень кромешная. И какое-то безразличие наступило – замёрзну, так замёрзну. И вдруг огонёк мелькнул впереди. Значит, там тепло. Собрал последние силы... Всё равно было – немцы или не немцы, только бы согреться и что-то съесть. Оказывается, я совсем немного не дошёл до хutora. Крайняя хата. Поднялся на крыльцо. Зашёл в тамбур. Слышу голоса за дверью, открываю... Полумрак... И много мужчин... Военные... Лиц много... Первая мысль: немцы. Отпрянул... Забоялся. Буржуйка посреди комнаты, люди вокруг. Сделал шаг назад и выхватил взглядом звёздочку на шапке. И тут же потерял сознание. Наши разведчики шли на задание и остановились в пустующей хате на ночь. Когда я открыл глаза, первое, что увидел перед собой – литровую банку американской тушёнки... На всю жизнь та тушёнка запомнилась. Сколько ни ел потом в Союзе, Европе, вкус её неповторим. С лавровым листом, пряностями...

Сын полка

Так я стал сыном полка. Поначалу разведчики от себя не отпускали. Баловали, не то слово. Полковой портной форму сшил, сапожник – сапожки форсистые. На войне, как на заводе, один токарь, другой резец затачивает, третий на прессе работает, четвёртый трубы гнёт, и только пятый собирает самолёт. Так и на войне – не все в атаку ходили. Были ездовые, возили термосы с питанием, при винтовках или автоматах, но в окопах не сидели. Также повара. Был в полку портной с трофейной машинкой «Зингер». Командирам форму подгонял, когда и солдатам. Война войной, а хотелось выглядеть по-человечески. Сапожник свой имелся. Связисты в атаку не ходили. Конечно, все попадали под огонь, под бомбёжки, артобстрелы. Но на самой передовой шансы остаться в живых были намного меньше. Кто в атаки под пули ходил, их почти нет уже.

Разведчики меня дамским пистолетом, браунингом, вооружили. Настоящий воин. Нравились разведчики. Ребята лихие, весёлые. Рвался с ними на задания, они, разудалые головы, тайком от командира полка брали. Реально помогал. Язык знал. В сложных ситуациях голову не терял, скитания многому научили. Однажды отправились в разведку пятеро бойцов и я. Задача – собрать разведданные, захватить языка. На такую операцию в форме, само собой, не пойдёшь. Одел-

ся в лохмотья. В них я как рыба в воде. Чего-чего, а беспризорничать учить не надо. В дополнение сделал макияж – лицо подчумазил: сажай по шее щедро мазанул, щеку пылью натёр. Наложил «театральный» грим. Разведчики тоже пилотки со звёздочками сняли, под деревенских нарядились. Автоматы, гранаты... Подобрались мы к деревне. Средних размеров, в одну улицу. Хатки украинские, тыном огорожены. И немцы. Ребята у крайней хаты рассредоточились в кустах, залегли. Мне Витя Соломин, лейтенант, шепчет:

– Осторожно пройдишь, посмотри, что там у них.

Я из кустов вынырнул, по улице шагаю, по сторонам зыркаю, на ус мотаю развединформацию. «Намотал» три танка, пять автомашин, две пушки, к машинам прицепленные. Во многих дворах немцы. Они, как обычно, заняв селение, хозяев выгоняли: живите со скотом в сараях или где хотите. Прощёл улицу до крайней хаты, повернул обратно. Информация собрана, можно докладывать. Осталось метров сто до кустов, где наши залегли, тут три немецких солдата выходят на дорогу и меня окликают. Я остановился, сердечко ухнуло. Хоть и не впервой с немцами общаться, целый год по оккупированной территории продвигался, но я уже не бродяжка, а разведчик. Вдруг один фриц в мою сторону резко наклонился и со зверской физиономией палец на меня наставил, кто, мол, ты есть и откуда такой? Сам белобрысый, ряшка лоснится... Врезался в память на всю жизнь.

Напугался я, но не сорвался бежать. Легенда заготовле-

на, начал плакать, показываю на дальнюю хату: муттер, мама там... Немцы, вся троица: га-га-га! С ряшкой откормленной громче всех заржал. Это они из меня цирк устроили. Я для них развлечение, русский поросёнок, нищоброд. Тычут на мои лохмотья пальцем, гогочут.

Я грязевой грим со слезами по щекам размазываю, на жалость давлю. Они нахохотались и погнали меня брезгливо: век-век! Дескать, вали отсюда, оборванец, вдруг заразный.

Не проявили фрицы бдительности. Будь среди них офицер толковый, могло и боком мне выйти, а уж полицай сразу бы зацепил. Хлопчик неместный, зачем-то прошёл в один край села, вернулся обратно. Явно что-то высматривает.

Разведчики сидели в кустах в напряжении, пальцы на спусковых крючках, готовы в любой момент открыть стрельбу. Не сомневаюсь, не пожалели бы себя. От немцев я отошёл, но не бросился в сторону разведчиков. Нет. Нюх был волчий – и самому не засыпаться, и ребят не подвести. Пошёл в обратную сторону. Немцы попадались по дороге, но больше не останавливали.

Вышел за деревню, леском обогнул её, прокрался к разведчикам. Лейтенант Соломин похвалил и с двумя бойцами отправил обратно в часть. Оставшиеся трое вернулись под утро следующего дня с языком. Отчаянные были ребята. Им по восемнадцать-двадцать, а мне девять-десять. Любили и уважали меня. На местности я хорошо ориентировался, немецкий язык на бытовом уровне понимал отлично. Ко-

нечно, случись что, помощи ждать неоткуда, положили бы немцы всех, малолетнего разведчика не пощадили. Рисковые были ребята, самоуверенные. Молодость...

Последний раз в разведке меня чуть не подстрелили. С языком переходили ночью линию фронта, немцы засекли, открыли пулемётный и автоматный огонь. Двоих разведчиков тяжело ранило, мы их вытащили. А мне только рубашку прострелили. С правой стороны пуля прошла впритык к туловищу.

Везло мне на войне. В Западной Украине в Дубно, это неподалёку от Почаевского монастыря, отправили из штаба полка с поручением. Городок наполовину разрушенный, иду по улице, справа и слева развалины, всего несколько домов целых. И вдруг нарастающий гул – немецкие бомбардировщики вдоль улицы понеслись, бомбят, из пулемётов поливают. Первое желание – под крышу укрыться. Самолёты застали у ворот, за которыми двухэтажный дом. Он и сейчас пред глазами. Добротный, каменный. Ворота открываю, за ними сразу лестница на второй этаж – широкая, однопролётная, налево от ворот вход в подъезд первого этажа. Что меня остановило? Не могу объяснить. Ворота открыл, сделал шаг на лестницу и вдруг развернулся и побежал в проулок за угол дома. Рядом ухнул взрыв, самолёты ушли. Я вернулся к воротам, открываю, они совершенно целые, а дома за ними нет. Одна лестница торчит. Прямое попадание. Крышу, потолки снесло, стены наполовину разрушены, пустые окна и

целёхонькая лестница в небо...

Последним моим боевым выходом оказался тот, когда мою рубашку при возвращении с разведздания пробила пуля. Нельзя было сыну полка ходить за линию фронта. О самоуправстве разведчиков, моём участии в операциях, выше лейтенантов никто из командиров не знал. Месяца два я провёл на передовой. Часть двигалась с боями вперёд, я с ней. В конце концов дошло до начальства. Лейтенанту Соломину крепко попало. Последовал приказ: отправить меня в запасной полк, это километров за пять-десять от линии фронта. Запасной полк пополнял боевые дивизии. Там таких, как я, человек десять набралось.

На передовой было интереснее, несколько раз срывался к своим разведчикам, где пешком, где на попутках. Остановишь, а солдаты есть солдаты, подвезут в кабине или кузове. То снаряды везут на передовую, то продукты. Дороги чаще грунтовые. Части не по номерам, хозяйство, скажем, Федотова, это значит, командир полка Федотов. Регулирующие знали, где такое хозяйство. Так и добирался. Поживу несколько дней у разведчиков. Командир полка узнает или на глаза ему попадусь, отправит обратно в запасной полк.

Эвакопункт. Германия

В запасном полку майор медицинской службы хотел усыновить меня. Семья его погибла в Минске под бомбёжкой в самый первый день войны. Относился ко мне тепло, подкармливал, заботился. А во мне волчонок сидел. Я не понимал, что такое родители. Чувствовал себя самостоятельным, вольным. Сам за себя в ответе, и вдруг кто-то у меня станет отцом. Не хотел этого. Майор командовал эвакопунктом. Медсанбаты располагались у линии фронта, раненых с поля боя туда доставляли. С лёгкими ранениями лечились в медсанбате, остальных отправляли на лошадях или машинах за пять или десять километров в тыл, в эвакопункты. Это была 13-я армия 1-го Украинского фронта. Фронт движется, эвакопункт следом. В одних палатках жили, в других хирурги делали операции. В эвакопункте я был до конца войны. Майора месяца за два до Победы куда-то перевели, звал с собой, я отказался.

Мы долго стояли на Сандомирском плацдарме, а потом началось наступление. Как немецкую границу перешли, я опять разведчиком стал. Не фронтовым – квартирным. Передовые части с боями идут, следом – тылы с боеприпасами, снабженцами, складами, кухнями, продовольствием, госпиталями, ветеринарным лазаретом, полевой почтой. Боеспособность армии зависит от расторопности тылов. Штаб на-

метит следующее место базирования госпиталя, тут же начинается подготовка к отправке, а мы, разведчики-квартиреры, прыгаем на велосипеды и крутим педали, только свист в ушах. Пока колонна движется, мы в пункте назначения рекогносцировку проведем, определимся, в каких домах госпиталю лучше остановиться, приготовим дома. При госпитале всегда были молодые крепкие ребята, которых начальник придерживал из выздоравливающих для переноски тяжело-раненых, помощи им, охраны. Человек пять таких посылали квартирерами, они брали меня. Велосипедом в Германии обзавестись было проще простого, в Польше редкость, в Германии – полно двухколёсной техники. Для многих солдат в диковинку поначалу было, учились кататься...

Первый немецкий населённый пункт поразил марсианской пустотой. Наши передовые части шли с одной задачей – не давать отступающим немцам передышки, догонять и уничтожать. Городок они взяли и ушли, мы на велосипедах прикатали, и никого. Меня ещё и потому брали – язык знал. А тут ни одной живой души, познания применять не к кому.

Пропаганда Геббельса запугала мирное население. Дескать, Красная Армия чикаться не будет. Русские звери только и ждут немок насиловать, жителей старых да малых поголовно истреблять. Побежишь от такой перспективы, бросая кастрюли... Немцы подгоняли машины, всех до единого эвакуировали. Они прекрасно знали наш лозунг: «Добьем врага в его логове». А так как сами лютовали на нашей территории,

ожидали ответной мести. В Харькове, когда его освободили, на площади Дзержинского, на этой самой большой в Европе площади, поставили виселицы и всех предателей и полицаев повесили на глазах города. Было за что...

Первый немецкий городок, в который залетели на велосипедах, был типа нашего районного центра – небольшой. Аккуратные улочки, двухэтажные домики, как нарисованные. И ни живой души. До жути пусто. В дом заходишь, а на плите кастрюльки с варевом... Хозяйка готовила обед, вдруг всё бросила... В магазинах пустые полки, товар на полу валяется, ходишь по нему...

Так встречали первые городки, потом стали люди появляться. В основном старики. В глазах испуг. Больные старые люди. Может быть, махнули рукой, как будет, так и пусть. Или просто не успели, кто помоложе удрали, а эти... Мирное население считало, что американцы и англичане будут лояльнее к ним относиться. Однажды в домик заскакиваем, старик со старушкой, древние оба, перепуганные, смотрят на нас. Думали – всё, сейчас русские начнут резать, убивать. Никого мы не трогали. Я ни разу не был свидетелем издевательств или убийств. В девяностые годы что только не писали о наших войсках в Германии, но я не видел ничего такого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.